

**Борис Андреевич Грушин
(1929-2007)**

Два интервью

Горький вкус не востребоваемости*

Путь в социологию

Всю жизнь я провел в Москве (за исключением двух с половиной лет эвакуации и восьми лет работы в Праге). Школу окончил с золотой медалью и сразу поступил в Московский университет, на философский факультет. Я выбрал философский, потому что был одержим проблемами морали и шел туда, чтобы «улучшить наше поколение». Меня интересовали вопросы самоорганизации, самовоспитания, воспитания молодежи.

В философский факультет я вошел, как нож в масло, поскольку уже через три дня в составе студенческой бригады послали в колхоз, и первым моим знакомым там оказался Александр Александрович Зиновьев, а вторым, с которым мы проводили дни и ночи напролет, был Борис Шрагин, будущий известный обозреватель радио «Свобода». За один месяц Шрагин сломал все мои представления об этике, заявив, что надо заниматься только эстетикой и только Гегелем. Я начал думать об эстетике, но тут – после знаменитой философской дискуссии 1947 года по книге Г.Ф.Александрова «История западноевропейской философии» – произошла некоторая переориентация философского образования. На факультете по прямому указанию Сталина создали отделение логики (которого не было с дореволюционных времен). Поскольку я пришел на факультет едва ли не в куртке Павки Корчагина, я тут же «откликнулся на призыв партии и правительства» и призвал всю нашу группу (а я был тогда комсоргом) перейти на это отделение.

Жизнь была бурнейшая, были азарт, кипение страстей, поток новых идей. Это вовсе не было связано с Никитой Сергеевичем Хрущевым – время «оттепели» наступило много позже. Мы-то кончали факультет еще при Сталине. Были страшные процессы 49-го, 51-го годов, тем не менее те восемь лет на философском факультете (учеба плюс три года аспирантуры) могли бы мной переживаться всю жизнь. Это была блистательная пора побед, поражений, настоящей борьбы (я разделял и разделяю представление Маркса о счастье). Именно тогда уже происходило что-то очень серьезное, размывание общества мало-помалу начиналось, языки развязывались. Вернулись фронтовики, люди, которые видели Европу. «Железный занавес» был прорван войной. Эвальд Васильевич Ильенков, Александр Александрович Зиновьев, Владислав Жанович Келле пришли к нам на факультет с уже новыми если не идеями, то во всяком случае представлениями, новым видением жизни, мира. Перед войной они учились в знаменитом МИФЛИ. Ильенков всю войну провел в разведке с томиком Гегеля и привез с собой с фронта полное собрание пластинок Вагнера. Это была особая публика, блистательные люди, обожженные войной и очень острые на восприятие мира. С ними было интересно общаться, дружить, у нас начали складываться некоторые клубы, что в то время было чревато большими опасностями¹. Как скажет позже Мераб Мамардашвили, «мы все ходили по краю бездны»...

* Беседовали С.Ф.Ярмолюк и М.Г.Пугачева. Опубликовано в: «Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах». СПб.: РХГИ, 1999.

¹ Грушин Б.А. «Мы пытались ответить на кардинальные вопросы...» // Вопросы методологии. 1994. №1-2. С.18-27.

Наша группа – Зиновьев, Щедровицкий, Грушин – зарождалась (хотя по этому поводу можно иронизировать) как солидная организация: продумывали темы исследований, докладов, прорабатывались планы на годы. Главной «лабораторией», где мы выявляли приемы мышления, стал текст «Капитала» Маркса. Но свою диссертацию «Очерки логики исторического исследования», изданную позже (1961) в виде монографии, я делал на более обширном, в том числе естественнонаучном материале (история, языкознание, историческая геология, биология, космогония и т.д.). Мы рассматривали науку как единое целое, для нас она (речь шла о том, чтобы выстроить фронт исследований, который снимал бы границы между разными науками), была лишена идеологических характеристик и была направлена лишь на поиск, открытие и утверждение истины. Потом это дало повод обвинить нас в позитивизме.

Нашу группу мы сами окрестили «диалектическим станковизмом» – вначале для себя, в качестве маркера по отношению к официальной логике, а затем уже и для внешнего мира. Позднее к нам присоединился Мераб, а следом «младостанковисты» – Н.Алексеев, В.Костеловский, В.Швырев, В.Садовский, И.Ладенко, В.Финн, Д.Лахути и другие. Мы объявили поход как против формальной, так и против диалектической логики: о первой говорили как о «бессодержательной», а о второй – как о «бесформенной»...

Аспирантура для нас была вообще золотыми годами – не потому, что было много свободного времени, а потому, что работали нещадно, до двадцати часов в сутки. Зиновьев гениально «проскочил» со своей диссертацией. Его работа «Восхождение от абстрактного к конкретному в “Капитале” Маркса» без всяких преувеличений была выдающейся, он смог защититься, потому что тогда ее еще явно не поняли. Моя диссертация была написана в 55-ом году, по окончании аспирантуры, но ее уже по первому разу провалили начисто. На нас обрушилась беда. Достаточно сказать, что еще в 57-ом году, в начале «оттепели», портрет Щедровицкого повесили при входе, чтобы его не пускали на факультет. Столь опасным (по мнению начальства) было наше влияние на студентов. Так и ушли мы с факультета «ревизионистами». Только в 60-м декан Василий Сергеевич Молодцов сказал: «Грушин – редактор “Комсомольской правды” по отделу пропаганды, что же мы все называем его ревизионистом?». А Зиновьев и Щедровицкий так ревизионистами и остались.

Провалив мою защиту, меня оставили и без работы. Лишь спустя полгода, после массы неудач я попал – совершенно случайно – в «Комсомольскую правду», литсотрудником отдела пропаганды. Затем в 59-ом стал редактором отдела, членом редколлегии – началась совершенно сумасшедшая, чисто журналистская жизнь. Но при всем при том я преподавал философию на двух факультетах университета, учился на мехмате (у меня была задача – окончить еще и мехмат, чтобы заниматься современной логикой, что в общем не получилось). Это были надрывные 1956-1960 годы. У Зиновьева тогда выйдет первая книга, и он напишет мне убийственную дарственную надпись, которую я с болью храню до сих пор: «Известному пропагандисту идей марксизма-ленинизма [читай: бывшему логик] от автора».

В 57-м году я защитил диссертацию, но с журналистикой уже порвать не мог. В газете мне нравилось, такая живая жизнь была по мне, хотя я очень страдал от того, что ушел из науки и отходил от нее все дальше и дальше. Вместе с тем постепенно, мало-помалу в сознании складывалось представление, что можно соединить журналистику и науку. Вначале это были новые для тех времен жанры в журналистике – научная публицистика, социально-экономические очерки, дискуссионные клубы молодежи (в том числе нашумевший в то время спор о «физиках» и «лириках»). А потом пришла пора серьезного дела – социологии общественного мнения. Поскольку я занимался логикой научного сознания, то вполне естественно, что решил заняться логикой массового сознания.

Когда именно родилась идея создать Институт общественного мнения, я не помню. Думаю, это был результат коллективных усилий нескольких людей – не только моих, но и тогдашнего главного редактора «Комсомолки» Ю.П.Воронова, ее будущего главного редактора Б.Д.Панкина и моего зама В.В.Чикина. Я загорелся этой идеей и очень тщательно готовился, разрабатывая схему первого опроса. Он был проведен 10-14 мая 1960 года. Я к

тому времени уже очень многое воспринял от журналистики, в том числе стал дорожить формой подачи материала, к чему был совершенно равнодушен раньше. Поэтому я придумал такую форму. Мы понимали, что не можем провести всесоюзный опрос, и взяли 30-й меридиан, тщательно выбрав первую тему. В то время была достаточно скандальная история с американским летчиком Пауэрсом, его сбили, возникло известное напряжение, вместе с тем активно выступал в роли миротворца Хрущев. Поэтому весьма актуально звучала тема: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?». В десяти точках пулковского меридиана, начиная от норвежской границы и кончая регионом близ Тирасполя, по сто человек в каждой точке отвечали на три наших вопроса². В качестве интервьюеров-организаторов выступали сотрудники и студенты двух факультетов МГУ – философского и журналистики. Мы оперативно провели этот первый опрос, за один день просчитали его, и 19 мая 1960 года «Комсомолка» вышла с красивой полосой: «Да! Отвечает 30-й меридиан».

Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято в ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от «первого» и сообщили: «Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: “Прекрасно”. Поздравляем с большим успехом». На следующий же день газета «Правда» (а получить от нее похвалу было совершенно невозможно) в коротенькой «Из последней почты» оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения. Вот с этой полоски 19 мая 1960 года, собственно, и началась моя социологическая биография³.

Лишь после этого я засел за книги, перечитал все, что можно было прочитать про институт Гэллапа и т.д. В организационном отношении у нас не было, конечно, никакой структуры. Был по-прежнему тот же отдел пропаганды, в котором работало четыре человека. Все делалось вручную, не существовало ничего похожего на сеть интервьюеров – а опросы становились все грандиознее, нужно было представить всю страну. Приходилось что-то изобретать. Немало писалось (и даже в учебниках), как тогда со всех московских вокзалов в различных направлениях, включая Хабаровск, отправились привлеченные нами проводники и по дороге опрашивали людей из разных городов и весей. Я уже был знаком с техникой проведения опросов, получил некоторую литературу и все делал осмысленно. Уже первый опрос мы проводили вполне грамотно. Что же касается собственно газетных опросов, то тут мы преуспели невероятно. Ведь приходили десятки тысяч писем, содержащих ответы на наши анкеты. И у меня до сих пор хранится около сотни тех, которые сыграли большую роль в моей научной жизни, породив первые идеи будущей концепции массового сознания. Конечно, такие опросы были нерепрезентативными (мы это всегда подчеркивали), они не отражали настроения всех слоев населения. Тем не менее такая информация также представляла огромный социологический интерес (если понимались границы ее значения).

С самого начала моей работы в социологии я отрицал так называемые общественные начала, зная, что науку бесплатно делать абсолютно невозможно. По мнению некоторых представителей академических кругов, Институт общественного мнения «Комсомолки» был явным «незаконнорожденным ребенком». «Прекрасно, – говорил я, – но ему очень повезло с матерью». Потому что газета была богата и влиятельна (тираж тогда был 18 миллионов), проблем с командировочными и т.п. не было никаких. Сначала мы с Чикиным все делали сами, потом поняли, что это физически невозможно, и потому начали нанимать целые армии интервьюеров, кодировщиков, счетчиков и т.д. И, конечно же, я пробивал через бухгалтерию оплату всем этим людям – у нас студенты просто кормились. Нам выделили зал в «Комсомолке». За семь лет мы провели 27 опросов.

² Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967.

³ «Комсомольская правда». 19 мая 1960 г.

В 1962 году (когда проходил пятый опрос) я уехал работать в Прагу, в журнал «Проблемы мира и социализма». Но оставался научным руководителем Института общественного мнения. Практически 8-10 раз в год приезжал в Москву, мне присылали материалы в Прагу на утверждение, согласование и т.д. Закрыли нас в конце 1967 года, после скандального опроса «Молодежь о комсомоле». Молодые уже ни во что не ставили ВЛКСМ, говорили, что думают, и в общем, если прибегнуть к современному языку, это была сплошная «чернуха». Сергей Павлович Павлов (тогдашний первый секретарь ЦК ВЛКСМ) этого перенести не мог. Кроме того, была и вторая причина – наш внутренний конфликт с Б.Панкиным. Я был уже доктором наук, естественно, тяготел к серьезной научной работе и отказывался проводить чисто газетные опросы. Газету же это не устраивало, причем по разным причинам (финансовые были последними, хотя и они присутствовали, поскольку проводить всесоюзный репрезентативный опрос было дорого). Панкин, к сожалению, не сумел понять, что научный институт будет гораздо больше помогать газете да и выглядеть солиднее. Так завершилась первая страница моей социологической биографии.

Годы в Праге и Институте философии

Что удалось сделать в Праге за три с половиной года (в мой первый приезд туда в качестве сотрудника отдела философии)? Там ведь было не просто работать. Отдел возглавлял Э.А.Араб-Оглы, сотрудниками были мы с Мерабом Мамардашвили. Готовили теоретические статьи, проводили международные «круглые столы». Вместе с Г.Х.Шахназаровым я организовывал большую конференцию под названием «Коммунисты и демократия». Сегодня это звучит как компромат. А в действительности – это был серьезный шаг на пути изменений нашей тогдашней жизни.

В 1963-1965 годах при активной поддержке шеф-редактора журнала Алексея Матвеевича Румянцева мне удалось провести первое в истории международное социологическое исследование в странах социализма – Болгарии, Венгрии, Польше и Советском Союзе. За основу была принята моя программа «Актуальные проблемы свободного времени», реализованная в «Комсомолке».

В Праге я пришел и к своей главной (на всю оставшуюся жизнь!) научной теме – «массовому сознанию». Сам этот термин у нас был тогда решительно под запретом. Впервые он был введен в научный оборот Германом Германовичем Дилигенским и мной в 1966 году. Тогда и много раз потом пришлось пережить немало неприятностей из-за того, что я настаивал на массовом аспекте социального анализа, ибо это никак не согласовывалось с классовым подходом.

В Прагу я привез с собой большую пачку анкет, связанных с опросом о разводах. Вопросы в основном были открытые, рассчитанные на исповедальный тон. И вот однажды у меня на столе по случаю оказались одновременно пять писем-анкет, где люди (трое мужчин и две женщины) разных поколений, профессий, социальной принадлежности, из разных районов страны в одних и тех же словах описывали причины разводов. Я обнаружил в этих письмах одни и те же языковые клише. Все было бы просто, если бы эти формулы были почерпнуты из средств массовой информации (журналисты знают, сколь часто мы встречаем такие клише в письмах читателей). А здесь совершенно разные люди написали неканонический текст, который они не могли ниоткуда вычитать, потому что он противоречил официальной установке. Как, не сговариваясь, они могли произнести одни и те же слова? Какова была природа этого штампа – уже не текстового, а *штампа сознания*? Так у меня родилась идея «массового сознания» – существует нечто, не определяемое ни возрастом, ни профессией, ни статусом, ни набором других социально-демографических характеристик. Потом, в Таганроге, я уже докажу на огромном материале, что социально-демографические характеристики не столь существенны по сравнению с характеристиками массового сознания, когда речь идет о регуляторах человеческого поведения. Я просто

заболел этим и сел писать диссертацию по «миру мнений», где уже представала концепция: общественное мнение я определял через массовое сознание⁴.

Что же касается упомянутого международного исследования, то там поначалу все шло великолепно, пока А.М.Румянцев на посту шеф-редактора «Проблем мира и социализма» не сменил Ю.П.Францев (это был 1964 год). У меня сохранилось большое письмо (копия), которое я посылал Румянцеву, рассказывая о своих мытарствах.

Тут надо, видимо, немного вернуться к тому, откуда происходила вся наша социология. С моей точки зрения, она возникла одновременно в пяти центрах. Первый и самый главный – сектор «новых форм труда и быта» Г.В.Осипова в Институте философии, существовавший с конца 59-го года. Затем Институт общественного мнения «Комсомольской правды» и лаборатория В.А.Ядова на философском факультете Ленинградского университета. Тогда же начали свои исследования в новосибирском Академгородке В.Н.Шубкин и на Урале Л.Н.Коган. Поэтому реальными пионерами эмпирической социологии в стране я считаю именно Осипова, Ядова, Шубкина, Когана и Грушина.

Но было в то время и еще одно очень важное направление, сыгравшее активную роль в формировании советской социологии как науки. Это были люди, связанные с Юрием Павловичем Францевым, идущие из МГИМО – владевшие языками, знавшие западных авторов. Их было немало – Ю.А.Замошкин, В.С.Семенов, Э.А.Араб-Оглы, тот же Г.В.Осипов. На первом этапе больше всех из них, на мой взгляд, сделал Эдвард Артурович Араб-Оглы, занимавшийся демографией, социальной географией и шедший в социологию с этой стороны. В 1961 году, будучи заведующим отделом в «Проблемах мира и социализма», он организовал в Праге «круглый стол социологов-марксистов» (до тех пор дело совершенно неслыханное). Он пригласил туда и меня, где я познакомился со многими зарубежными социологами. Так, собственно, я впервые увидел Прагу и понял, что в этом международном журнале в принципе можно работать (раньше меня многое смущало). Тот «круглый стол», ставший возможным благодаря личным знакомствам Араб-Оглы с видными фигурами того времени, получил очень серьезный отклик, потому что это была первая партийная поддержка социологии («Проблемы мира и социализма» – был все-таки международным органом коммунистических партий). До сих пор у социологии не было официальной партийной поддержки. Араб-Оглы опубликовал отчет об этой встрече, и потом долго-долго в борьбе с мастодонтами-истматчиками мы размахивали журналом, приводя цитаты из выступлений на «круглом столе». У меня и сейчас хранится та публикация.

Сам Юрий Павлович Францев был очень сложной фигурой. Египтолог с большим будущим, в молодости он загубил себя, «продавшись большевикам», как говорил сам, и никогда не мог себе этого простить. Отсюда, возможно, та желчность, которая постоянно проявлялась у него во взаимоотношениях с окружающими. Когда он появился в Праге, работа у нас с ним не сложилась. При Румянцеве мы опубликовали в журнале результаты исследования, проведенного в Болгарии. Потом, уже при Францеве, издали польскую часть исследования. А когда дело дошло до венгерской части – все застопорилось (о публикации результатов исследования, проведенного в СССР, уже не могло быть и речи). Проявилась какая-то странная ревность к редактору-предшественнику и начатой при нем исследовательской работе. Мы планировали опубликовать пять текстов – четыре по отдельным странам и последний, совместный наш с Румянцевым, аналитический обзор, подводивший итоги. Остановив публикации, Францев, по сути, не дал возможности завершить крупное международное исследование. Оно было изуродовано, и в конце 1965 года я вынужден был уйти из журнала.

Когда я вернулся из Праги, то обнаружил, что многие мои приятели по журналу (Амбарцумов, Арбатов, Жилин, Загладин, Фролов) пошли в большую политику. Из нашего круга, по-видимому, лишь мы с Мерабом (а потом и Араб-Оглы) не сделали этого. И просто

⁴ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987.

потому, что, как сказал однажды Мераб, мы никогда не были «шестидесятниками», «родились немного раньше» и «никогда не участвовали в чужих войнах, ведя свои».

Я возвращался из Праги тяжело. Алексей Матвеевич был тогда главным редактором «Правды» и уже взял к себе «пражанина» Ю.Карякина. Я сказал, что готов идти в «Правду», если мы откроем там Институт общественного мнения, переведя его из «Комсомолки» на более высокий уровень. Но Румянцев не сумел этого сделать. Отказавшись от других газетных предложений, я пошел старшим научным сотрудником в Институт философии, в отдел исторического материализма В.Ж.Келле. Потом, после создания социологического отдела Осипова, я перешел к нему в качестве заведующего сектором изучения общественного мнения.

Дальнейшая история создания ИКСИ довольно известна. Но не все помнят, что в 1970 году в структуре ИКСИ был создан Центр изучения общественного мнения во главе со мной. У меня тогда в отделе был 41 человек, так вот часть из них – Нейгольдберг, Капелюш, Токаровский – начали «по совместительству» работать и в этом центре. Главным же «освобожденным» исследователем там был Том Петров – историк, прекраснейший человек, к сожалению, рано умерший. Тогда мы провели всего три всесоюзных опроса, поскольку первый год потратили на построение всесоюзной выборки. Она была выполнена С.Чесноковым, нашим знаменитым математиком, и получила название «Весна-71». В 72-м в институт пришел Руткевич, и наш центр сразу же был закрыт.

Впрочем, стагнирование в социологии началось уже в 1968 году. Именно тогда Леваде отказали в чтении общего курса социологии на факультете журналистики МГУ – еще до обсуждения в АОН при ЦК КПСС его лекций. На том же памятном обсуждении (лучше сказать, осуждении) я безоговорочно, по всем пунктам защищал Леваду, произнеся роковую фразу по адресу сидевших в президиуме: «Мертвые хватают живых!». Видимо, это и дало повод Константинову потом не раз повторять, что «Грушин хуже Левады».

К этой общей ситуации в нашей социологии я еще вернусь, а теперь, видимо, следует подробнее рассказать о главном деянии в моей социологической биографии – таганрогском проекте.

Таганрогский проект и «вокруг него»

Это действительно была эпопея – самый крупный проект в истории отечественной социологии и один из крупнейших в рамках мировой социологии в целом (хотя, сознаюсь, звучит это не очень-то скромно). Он включал в себя 76 (!) разных исследований, 72 из которых были реализованы полностью. И чтобы хоть что-то рассказать о Таганроге, следует остановиться, как минимум, на шести разных сюжетах. Первый связан с *разработкой теории и методологии этого исследования*, второй – с *кадрами*, третий – с *материально-техническим обеспечением*, четвертый – с *организацией работ*, пятый – с *общим социальным контекстом*, в котором реализовывался проект, и шестой – так сказать, с *итогами, последствиями* реализации проекта.

О теории и методологии. Проект разрабатывался на основе серьезных заделов, которые уже имелись к тому времени. В январе 1967 года я защитил докторскую диссертацию, вышла книга «Мнения о мире и мир мнений», были очень серьезные наработки, связанные с функционированием общественного мнения, – это с одной стороны. С другой – моя книга по логике исторического исследования давала серьезные основания для того, чтобы двигаться в области методологии социального познания; был и первый опыт создания «частной» социологической теории (как оценил это в «Литературной газете» Ю.Левада) на примере исследования свободного времени. Кроме того, накопились достаточно приличные знания того, что делалось на Западе (по крайней мере, работы Шрамма, Берельсона, Элюля, Лассуэлла были «пройденны»); речь шла о том, чтобы найти собственный способ построения всей теоретической конструкции, и в общем эта теоретическая работа в 66-67-ом годах была выполнена.

В проект пришли люди чрезвычайно сильные с точки зрения рождения идей, они принципиально обогатили отдельные части моей общей конструкции. Я назвал бы здесь по меньшей мере трех человек – Виктора Яковлевича Нейгольдберга, Тамару Моисеевну Дридзе и Александра Васильевича Жаворонкова. Были и другие сильные специалисты (скажем, очень глубокую работу, связанную с языком информации, проделал Михаил Мацковский), однако в отличие от названных они скорее работали над «детальями» общего грандиозного сооружения.

Программа исследования, где давалось «расчленение» всего материала и предлагались достаточно оригинальные схемы, в том числе новаторские, вышла потом в «47 пятницах» (в первом выпуске), с ней все могли ознакомиться. Однако она, по сути, не была оценена именно с точки зрения теоретической. Использование и пропаганда этого материала были связаны в основном с эмпирией – и действительно эмпирическая часть исследования получилась бесценной, уникальной. Но для меня главный интерес представляли тогда все-таки теоретические наработки, в том числе принципиальные схемы, связанные с самой информационной структурой общества. К сожалению, теоретическая часть всего дела была пропущена нашим читателем, потребителем этой информации, хотя там, на мой взгляд, содержались очень серьезные и совершенно новые идеи, которые до сих пор могли бы играть большую роль в понимании того, что вообще происходит с массовой информацией в обществе.

Немало сложностей было связано и с методологией исследований, поскольку в нашем распоряжении не было ни методов, ни техники решения поставленных задач. Ведь нам предстояло проследить и измерить и процессы производства информации на уровне власти, и процессы ее канализирования, передачи публике, и процессы потребления публикой этой информации, ее переработки в сознании людей, и, наконец, процессы производства информации самой публикой и ее передачи – в обратном направлении, к власти.

Собственно, идея Таганрогского проекта исходила из отдела пропаганды ЦК КПСС и была связана с тремя фигурами: тогдашним первым заместителем (отсутствующего) заведующего отделом А.Н.Яковлевым, будущим главным «архитектором перестройки», зам.зав.отделом Г.Л.Смирновым, сыгравшим главную роль в реализации проекта; и «офицером по связи», без которого вообще ничего бы не состоялось, – Леоном Аршаковичем Ониковым, консультантом отдела, курировавшим тогдашнюю социологию. «Таганрог» включал в себя на первом этапе четыре разных проекта. При этом с самого начала в ЦК выразили желание выяснить лишь уровень жизни населения, его благосостояние, но Оников настаивал на комплексном исследовании (помню, он попрекал нас в то время, что каждый занимается «своим» – Ядов трудом, Грушин сознанием – и никак это между собой не связывается). Затем пропагандистов волновала хозяйственная преступность, и самый первый проект в рамках «Таганрога» был разработан как раз институтом по изучению преступности, который возглавлял В.Н.Кудрявцев. Вторым стал проект ЦЭМИ и ИМРД по исследованию образа жизни (поскольку без этого нельзя было понять природу «несунов» – расхитителей соцсобственности). Этот проект возглавляли Наталия Михайловна Римашевская и Леонид Абрамович Гордон (каждый в своем институте). Они составили очень удачный тандем, сделали хорошую программу и должны были произвести посезонные измерения одних и тех же показателей (за год), чтобы получить некие модели образа жизни разных слоев населения. Потом выяснилось, что отделу пропаганды не хватает «идеологии» – связей всех этих явлений с партийной работой, решениями партийных органов и т.д. Была приглашена третья команда – социологическая лаборатория Академии общественных наук, возглавляемая И.Г.Петровым. Однако вскоре выяснилось, что эти люди не очень умелы в исследованиях, что они ограничивают свои задачи анализом сугубо партийной работы. И тогда-то позвали нас.

Работа началась в 1966 году, когда я предложил Оникову нашу «грандиозную» схему и когда он на нее «купился». Я доказал ему, что партийная идеологическая работа не должна пониматься узко, что она – часть общей информационной системы, существующей в

обществе, и что поэтому в исследование надо включать все публичные формы информации. Наш проект так и назывался – «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов».

Первый сделанный нами прорыв – не заниматься узкой пропагандой, а брать всю информацию, во всех ее видах, во всех формах контактов публики с властью и на всех уровнях реализации этих контактов – открывал весьма широкий взгляд на жизнь общества. Мы прибегли тогда к образу «волчка» с четырьмя уровнями информационных отношений между населением и властью: 1) страна в целом, центральная власть и каналы центра; 2) область и каналы области; 3) город и каналы города; 4) подразделения города и каналы этого уровня.

Это дало возможность выстроить общую схему исследования. Чисто институционально мы брали все типы общественных и государственных институтов, включая средства массовой коммуникации, средства массовой устной пропаганды (в том числе деятельность общества «Знание»); письма трудящихся, отправляемые в разные инстанции; собрания общественных организаций, коллективов предприятий, учреждений; контакты населения с депутатами Советов и работниками органов управления. При этом в исследовании рассматривались все типы органов управления: партия, государство, советы, комсомол, профсоюзы, органы правосудия, милиция и т.д. снизу доверху. К примеру, партийные органы – от райкома партии или секретаря парткома завода до ЦК КПСС и т.д.⁵

Ясно, что для понимания всех этих многочисленных и разнообразных форм информационного взаимодействия власти и населения мы должны были во многих случаях стать первопроходцами при разработке методов и техник таких полевых работ, как контент-анализ писем или документов собраний, массовое интервьюирование и тестирование и т.п. Т.М.Дридзе тогда впервые применила в полевых условиях семантический дифференциал Чарльза Осгуда (хотя американцы полагали, что это невозможно сделать «в поле»). В.Я.Нейгольдберг и Я.С.Капелюш разработали оригинальный дневник, который ежедневно должны были вести функционеры города с целью фиксирования своих контактов с населением. В целом в рамках проекта в 23 исследованиях был применен анкетный опрос, в 17 – интервью, в 18 – контент-анализ разных текстов и т.д. В ходе полевых работ были заполнены 8882 бланка самофотографии, проведены 471 акт наблюдения, 10762 интервью и т.д. Всего в проекте было 85 полевых документов общим объемом 58,7 п.л. – и это одних только документов!

О кадрах. Этот аспект я выделяю не потому, что «кадры решают все», а потому что в социологии их просто не было, их нужно было готовить «по дороге». Это обстоятельство не может упускаться из виду, если оценивать итоги «Таганрога», в том числе и те минусы, которые оказались неизбежными: в сжатые сроки нужно было найти и научить людей тому, чего не умел и сам (поскольку самому приходилось тоже учиться) – такова была задача. При этом формально я был, пожалуй, единственным человеком, который ничего не выиграл от таганрогского проекта. Те, кто пришел ни с чем, стали затем кандидатами, докторами наук. А приходилось набирать очень много людей. Я до сих пор считаю, что чем меньше сотрудников, тем лучше. Мой идеал – максимум два человека, потому что, как правило, легче сделать что-то самому, чем объяснять другим.

Через «Таганрог» прошло больше 50 штатных сотрудников, не считая сотен (!), которые работали в полевых условиях в качестве интервьюеров, контролеров, супервайзеров. В целом с кадрами мы справились, хотя немало сложностей возникало из-за того, что некоторые сотрудники оказывались не только мало знающими и мало умеющими, но и не способными что-либо узнать и уметь делать. Тогда условия, с точки зрения трудового законодательства, были чрезвычайно сложными, уволить никого было нельзя, взять временно – тоже. Однако я уволил в конечном счете человек восемь-десять. При этом

⁵ Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ.ред. Б.А.Грушина и Л.А.Оникова. М.: Политиздат, 1980.

дважды это было сопряжено с огромным нервным напряжением. Что и говорить, наука давалась большой кровью. Недавно мы хоронили Вадима Васильевича Сазонова, и тогда я вдруг осознал, что из тех шестерых, кто начинал «Таганрог» в 66-ом (а это были Виктор Нейгольдберг, Яков Капелюш, Георгий Токаровский, Вадим Сазонов, Вера Войнова и я) мы остались с Верой вдвоем, хотя все, кроме Виктора, были моложе меня.

С главным мне повезло. В проекте было много отличных, преданных делу людей, просто фанатиков, типа Токаровского или Жаворонкова. Ведь Саша Жаворонков до сих пор занимается информацией Таганрога и, можно сказать, сделал максимум возможного и невозможного для ее сохранения в памяти нашего общества. Вообще людей, которые стали хорошими мастерами, которые очень старались, у нас оказалось многократно больше, чем тех, кто шел «в обозе». Причем основной состав сохранялся на протяжении почти всех лет, хотя некоторые уходили, решив свои личные задачи (как, например, Коробейников после защиты диссертации) или «дрогнув» после появления в институте М.Н.Руткевича. У нас ведь был принцип круговой помощи, когда люди работали друг на друга, и предполагалось, что усилия и услуги, оказанные тобой другому, будут затем возвращены и тебе.

В целом на материалах «Таганрога» было защищено более 20 (!) диссертаций – уникальный случай не только в нашей социологии. Люди очень основательно «продвинулись», многие до сих пор активно работают в науке и добрым словом вспоминают таганрогскую школу. В том же Институте социологии – Возьмитель, Дридзе, Жаворонков, Райкова, Таршис, Мацковский. Группа, пришедшая к нам с факультета журналистики МГУ, до сих пор трудится на факультете «дружной стаей», ни один не ушел – работают очень активно в области социологии массовой коммуникации. Сложившееся содружество могло бы стать серьезной научной школой, если бы не внешние обстоятельства, если бы не общий социальный контекст, который полностью исключал и исключил такую возможность.

О материально-техническом обеспечении. Это был воистину «эфиопский» труд. Некоторые люди, в том числе вялые, мало работавшие в проекте, хотели даже сбросить меня с руководителей, посеяв миф о «грушинской эксплуатации». В действительности же у нас просто не было условий для какого-либо облегчения труда.

Мы, как и вся социология того времени прошли некие символические этапы на уровне помещений: «подпольный», когда наука существовала, по сути, вне институций; «подвальный» – когда был создан ИКСИ, но без «жилья», и все сидели в подвале на Писцовой (а в проекте к тому времени было уже 15 человек) с одним-единственным столом на всех; затем у нас был «ясельный» период, когда проект размещался в яслях на Кожуховской улице; потом «детский сад» на 6-ой Парковой в Измайлово; затем «школа» на Новочеремушкинской. А в промежутке был еще период, когда мы сидели в московской ВПШ на Ленинградском проспекте, напротив гостиницы «Советская». И все это при огромных архивах, которые нужно было возить с места на место, и главное – при отсутствии техники и денег на накладные расходы. Конечно, мы получили большие деньги на исследования, но воспользоваться ими для облегчения собственной жизни никак не могли. К тому же мы все время экономили на всем, обижали наших интервьюеров в Таганроге, недоплачивали им, штрафовали за ошибки. Денег было много, но все они ушли на «поле». Две пишущие машинки, пять столов и полное безденежье – в этих условиях мы завершали проект в 1974-м.

Об организации работ. Мы испробовали многие формы организации, но остановились на чисто «китайской», соответствовавшей нашему безденежью, отсутствию техники и т.д. Первое таганрогское «поле» состоялось в декабре 1967 года. Вроде можно было бы просто поехать и провести это «поле». Но нет, мы с самого начала создаем таганрогскую лабораторию, понимая, что нам предстоит «провернуть» не одно, а 70 исследований. Единственным в то время «свободным художником» в команде был Вадим Сазонов, аспирант Института философии, и именно ему я предложил поехать организовывать эту лабораторию. За короткий срок Вадим создал уникальную (по тем временам невиданную!) систему документации, связанной с планированием, ходом полевых работ и контролем, с

отчетностью, оплатой труда и т.д. Позже, в ноябре 1969 года, я попытался обобщить наш огромный организационный опыт. В течение девяти дней «под стенограмму» я прочитал 18 лекций (43 часа) на эту тему. Предполагалось издать книгу «Социологическая лаборатория». Но в 1972 году Руткевич выкинул ее из плана издательства «Наука»...

Об общем контексте реализации проекта. Мы начинали работу в весьма благоприятной ситуации. Формально у нас был очень сильный заказчик – ЦК КПСС. Однако уже с первого дня работы мы осознавали, что вся эта информация никому не нужна. В принципе проект был призван решить две задачи: выявить реальное положение вещей и найти оптимальные способы усиления эффективности информационной деятельности в обществе. Так вот, объективное положение вещей мы выявили, и многих оно совершенно не устраивало. При всей нашей идеологизированности мы тем не менее работали честно, отнюдь не на «потребу» и преподносили свою информацию без ссылок на ХХ или какой-либо еще съезд партии. В результате заказчику наглядно показывали: депутаты не работают, СМИ не функциональны, вся ваша работа – система кампаний. И так по каждому поводу. Никогда не забуду, как прибежали люди от Демичева и сказали, что по нашим данным – народ неграмотный и не разбирается, «кто есть кто» и «что есть что». Отдел пропаганды был раздражен, когда выяснилось, что только треть населения понимает популярные пропагандистские термины. Это были сплошные нервы, нас все время тащили «на ковер», потому что информация была неприятной, требовавшей каких-то действий и решений. А они там (в отделе пропаганды) сидели совершенно для другого. Они хотели не менять, а продлевать то, что имеют. Любые перемены для них были сопряжены с риском.

Это вообще был огромный минус в нашей работе – изначальное и постоянное ощущение невостребованности, ненужности твоего дела. Социология, которую мы создавали тогда с Левадой, Ядовым, Шубкиным и другими, не устраивала власти принципиально, потому что не просто требовала каких-то активных движений, но разоблачала многие мифы о совершенстве данного общества. Именно это обстоятельство лежало в основе того погрома, который учинили в 69-ом по поводу лекций Левады. Социология была не просто не нужна – она была опасна. Это стало понятно многим после первых же серьезных исследований, проведенных в те годы.

У меня сохранился большой подбор откликов на Институт общественного мнения «Комсомольской правды» в западной прессе. Его материалы они противопоставляли самой доктрине о том, что советская молодежь – самая лучшая, что советское общество – самое лучшее, что все живут у нас в полном благолепии и т.п. То же случилось и с книгой «Человек и его работа». Казалось бы, ну что там было опасного? А то, что миф о коммунистическом отношении к труду был взорван. И отсюда – огромные трудности с публикациями результатов наших исследований. Только сугубо академический журнал «История СССР» опубликовал, к примеру, результаты опроса ИОМ «КП» по поводу движения бригад коммунистического труда. Сколько я ни старался, я так и не смог опубликовать свою книгу о разводах, написанную в 1964 году, где за цифрами опросов представала страшная женская доля. И так далее.

Да, социология с самого начала была опасна. Левада своими лекциями это живо обнаружил. И хотя критики цеплялись в основном к его отдельным «лихим» словам и фразам, все это было пустяками. Главное, что социология, о которой говорил Левада, перечеркивала другую социологию – ту, что называлась «историческим материализмом». Именно из-за этого разгорелся тогда весь сыр-бор. И этот погром очень многими, особенно самими социологами, был воспринят как призыв к откату. Именно с 1968-1969 годов мы и продолжаем откатываться до сих пор. Особенно в плане теоретической социологии. Ужесточение режима само по себе было не так страшно (ведь многие из нас могли работать и работали при любом режиме!). Хуже было другое – что в еще не сформированной армии исследователей был подорван интерес, утрачен вкус к серьезной работе. Часть была напугана, часть продалась – это было видно. И потому работать тогда становилось все труднее и труднее.

В 71-ом году Алексей Матвеевич Румянцев сделал явно опрометчивый шаг – подал заявление об отставке, которое неожиданно приняли. То, что его освободили от вице-президентства, было понятно: там он был абсолютно чужой человек. Но институт у академика никто бы не отобрал – это очевидно. И в этом деле я тоже чувствую себя в какой-то степени виноватым, потому что Алексей Матвеевич не справлялся с внутренней ситуацией в институте и очень мучился из-за конфликта между Осиповым и Бурлацким. Этот конфликт принимал подчас тяжелые формы, причем прав был то один, то другой, в зависимости от предмета спора. Поэтому наша армия (я имею в виду работавших там людей, а не начальствовавших) старалась не принимать участия в том конфликте. Он очень мешал делу, а мы считали, что просто должны работать. В 70-ом году с диагнозом «второй инфаркт» я пребывал после больницы в академическом доме отдыха «Успенское». На майские праздники ко мне приехал Алексей Матвеевич с просьбой, чтобы я стал третьим заместителем директора. Я категорически отказался и в этом смысле не помог ему в сложившейся ситуации. Он был прекрасный, честный человек, естественно, не «игрок» – и подал эту бумагу, ни с кем из нас не посоветовавшись. В результате директором, как известно, стал Руткевич при активной поддержке отдела науки ЦК.

Тогда ведь была очень специфическая ситуация и в самом ЦК – отдел пропаганды, который курировал социологию, и отдел науки, который ее контролировал, находились просто на ножах. Трапезников, с одной стороны, и Яковлев – с другой. Совершенно разные люди, разного поля ягоды. Именно отдел науки без конца третировал реальную, конкретную социологию. А тут началось фронтальное наступление.

Я нашел у себя объяснительную записку в отдел науки, датированную 72-м годом. Дело в том, что осенью 68-го года я был на стажировке во Франции, в Институте общественного мнения Жана Стёцеля (дочернем предприятии Гэллапа). Тогда французские коммунисты попросили меня выступить с лекцией у них в ячейке Поля Элюара. И я выступил. Член Политбюро Французской компартии Ги Бесс в какой-то связи позвонил Суслову и сказал, что я нес непоправимую критику во время той лекции. Может быть, он позвонил тогда же, в 68-ом году, да этому не дали хода. Но теперь ситуация изменилась, и ход дали. Я вынужден был написать довольно резкое объяснение. Но тем дело не кончилось.

В свое время в журнал «Вопросы философии» (где я как член редколлегии вел раздел социологии) поступила статья академика А.Д.Александрова, математика, который «перекинулся» на социологические проблемы. Статья была против Ю.А.Левады (сразу после погрома), и я ответил, что легко и просто критиковать человека после того, как его растоптали, однако честные люди не должны в этом участвовать.

Между тем тогда же (в 70-м году) в «Вопросах философии» была опубликована моя статья «Логические принципы исследования массового сознания» – первый теоретический итог моих многолетних занятий главным сюжетом жизни. Статья вызвала множество отзывов (особенно дорог мне был отзыв Ядова, моего старого друга, который полностью меня поддержал). Однако были отзывы и другого рода, в том числе того же академика Александрова. Явно оскорбившись по поводу моего ответа, связанного с критикой Левады, он написал новую статью, уже против меня. Когда академик прислал текст в редакцию, ему ответил уже В.Ж.Келле как заведующий отделом – статью отвергли. Автор ее забрал и, видимо, стал ждать своего часа.

Этот час наступил спустя два года, в 72-ом году, когда к власти в социологии пришел Руткевич. В «Вестнике Академии наук СССР» А.Д.Александров при полной поддержке П.Н.Федосеева опубликовал совершенно погромный текст, где, между прочим, были и такие слова: «...автор просто не понимает, что такое наука и каковы ее элементарные требования... Б.А.Грушин в своем метафизическом противопоставлении функционирования и развития объективно теряет из поля зрения эту, казалось бы, очевидную постановку главной проблемы социологии советского общества»⁶.

⁶ Александров А.Д. В защиту социологии // Вестник Академии наук СССР. 1972. № 7. С.51.

Я выполняю в институте таганрогский проект, но – поскольку объявлен антимарксистом и антиученым, просто человеком, стоящим вне науки, – меня заставляют выйти с объяснением на ученый совет института. Я пишу тезисы, Руткевич заявляет, что тезисы «еще хуже», почти год тянется эта история... Людей выгоняют одного за другим, я совершенно не собирался быть лидером оппозиции, хотя по характеру действительно оппозиционер, но так получилось. Выгнать меня Руткевич не мог, потому что я был как бы под крышей отдела пропаганды. Я дважды писал Смирнову – просил перевести меня куда угодно вместе со своей командой (нас осталось из 40 всего 7 человек), здесь не было гарантии, что мы завершим проект. У нас ведь еще оставались машинная обработка, анализ... О накале страстей в институте свидетельствовало партийное собрание в январе 1974 года и мое выступление на нем, которое Г.Г.Квасов назвал «эмоциональным хулиганством».

Об итогах. По результатам анализа полученной гигантской информации мы подготовили к печати два тома. Первый том вышел в Политиздате в 1980 году, спустя шесть лет после его написания (!), там речь шла о потоке информации от структур власти к населению. Второй том – о потоке информации от населения к власти – был зарублен. Вот отзыв на него академика Д.М.Гвишиани: «Работа вряд ли может быть рекомендована к изданию в виде монографии, т.к. не содержит научно-достоверных выводов, обобщений ни относительно методов изучения вопросов, ни относительно существенных механизмов, факторов, процессов, конституирующих данное явление. В рукописи содержится ряд утверждений, публикация которых может дать превратное представление о деятельности советских и партийных органов»⁷.

А вот строки из отзыва, утвержденного на заседании совета отдела прикладных социальных исследований ИСИ (руководил им В.Н.Иванов): «Рукопись автора развивает весьма спорные и подвергавшиеся критике положения теории массового сознания, содержит ссылки на работу, тираж которой был аннулирован...⁸ Все вышеизложенное заставляет сделать вывод: 1) открытая публикация работы в таком виде нецелесообразна; 2) публикация работы под грифом “ДСП” может быть рассмотрена после доработки рукописи и повторного обсуждения»⁹.

Таких рецензий было достаточно, чтобы книгу зарубили. И этот факт снова доказывает, что даже ЦК КПСС, его отдел пропаганды уже не был всесильным. Ситуация менялась кардинально.

Кроме того, мы написали 29 докладных записок в Секретариат ЦК КПСС, которые, похоже, вообще там не рассматривались. Среди последних из них – «Общая картина передачи информации населением в органы управления», «Гласность в работе местных органов управления», «Общественное мнение в процессе принятия решений местными органами управления», «Отражение проблем городской жизни в сознании населения и деятельность органов управления». Эти тексты явно никому не были нужны, но с их помощью мы смогли все же формально завершить проект, поставить в его истории в ИСИ последнюю точку.

Издательские неудачи были нашим самым большим поражением. С 1967 года мы вели методологические семинары – всего их было 47, проходили они по пятницам. Там обсуждались программы и полевые документы, как правило, по основным исследованиям или блокам исследований. Предполагалось, что по их материалам выйдет 47 выпусков – «47 пятниц» (было соответствующее решение дирекции), которые представят программы и полевые документы с инструкциями, чтобы «вооружить» нашу начинающуюся социологию

⁷ Личный архив Б.А.Грушина.

⁸ Речь идет о работе: *Капелюш Я.* Общественное мнение о выборности на производстве: Информационный бюллетень № 39 (54). Серия: материалы и сообщения / Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований; Советская социологическая ассоциация; Институт конкретных социальных исследований АН СССР. М., 1969. Тираж был уничтожен, 1 экземпляр имеется в Историко-социологическом архиве ИСАН, поступил на хранение в составе личного фонда В.Я.Нейгольдберга. – *Прим.ред.*

⁹ Личный архив Б.А.Грушина.

(плюс лекции по теории и организации проекта). Произошло же следующее. Первый выпуск появился в 69-ом году, где была опубликована программа проекта в целом и материалы первого подпроекта. После него вышел пятый выпуск с сюжетами контент-анализа, подготовленный Вадимом Сазоновым. Потом были последовательно подготовлены II, III и IV выпуски, но тут уже начались проблемы с цензурой. Считалось, что это – абсолютно засекреченная информация, даже сами техники и процедуры исследований, не говоря уже о нашем взгляде на вещи. Пока готовим выпуск, все вроде идет нормально. Потом приходит «первый отдел» и говорит: «Вы что, с ума посходили – публиковать такое?». В результате четвертый выпуск (о деятельности Советов) был уничтожен на корню, а тираж второго арестован и запрещен к распространению. В сложившейся ситуации я предпринял другую попытку: вместо «47 пятниц» издать 50-70 выпусков с последовательным представлением количественных результатов исследований. Однако после первых пяти-семи опусов и с этими изданиями было покончено.

Вот вам и весь «Таганрог». Работа проведена грандиозная, результаты получены уникальные. Но никому не нужные. Ни тогда, ни теперь...

В итоге 1974-1983 годы стали для меня годами новых скитаний. На полном серьезе я хотел уйти в энтомологию. Меня всю жизнь смущала биография Набокова, правда, к бабочкам я был равнодушен, но любил жуков.

Хорошо понимая общую ситуацию, я не переживал мое изгнание из социологии. Время жить и время умирать... Но было очень больно от сознания того, что не состоялась собственная «школа», не получили надлежащего признания итоги «Таганрога». И совсем уже мучительно переживались факты личного предательства со стороны некоторых сотрудников проекта, «переметнувшихся» к Руткевичу. Двое из них – аспиранты А.В.Корбут и Е.Г.Андрющенко – самовольно сняли мое имя как научного руководителя со своих диссертаций, чтобы успешно защититься. Это было совершенно невыносимо.

Но я все-таки не стал энтомологом, меня приютил академик Н.П.Федоренко, директор ЦЭМИ, по просьбе А.М.Румянцева и Ю.А.Левады, бывших там в то время старшими научными сотрудниками. Они вместе пришли к Федоренко и попросили помочь Грушину, не снижая его статуса, дабы не засвидетельствовать, что он «проиграл Руткевичу». В ЦЭМИ под моим началом создали лабораторию (по изучению образа жизни) в отделе Наталии Михайловны Римашевской – еще одного моего прекрасного начальника. Здесь была хорошая обстановка, Федоренко сделал меня своим заместителем по институтскому («докторскому») методологическому семинару. И все же в ЦЭМИ я был чужим. Кроме того, после статьи Александрова моя фамилия оказалась в специальном списке, исключающем возможность цитирования. Я не опубликовал в те годы ни одной работы и потерял возможность выезжать за границу. В 77-ом году с помощью В.В.Загладина и И.Т.Фролова мне удалось снова поехать в Прагу, в «Проблемы мира и социализма», но там радости также не было никакой. В 1981 году я вернулся, но, как и в 1974 году, мне в Москве снова некуда было идти. В Институт философии опять не взяли; в ИСКАН к Арбатову я идти не хотел (потому что я «здешний», все мои интересы, вся моя жизнь – Россия...), и в итоге я пристроился во ВНИИСИ, в отделе С.С.Шаталина, где под меня была создана лаборатория системного анализа культуры. В этом качестве в течение двух лет я вел московский семинар для написания соответствующего раздела в «Комплексной программе научно-технического прогресса СССР на 1986-2005 гг.». Это было интересно – но опять же не мое. Мне хотелось заниматься только одним – массовым сознанием.

И когда Г.Л.Смирнов, став директором Института философии, пригласил меня (это был 1983 год), я сказал: «Георгий Лукич, спасибо! Наконец-то я смогу совместить свое хобби с зарплатой, поскольку последние десять лет получал деньги не за то, чем занимался». Здесь был создан сектор философских проблем общественного сознания, и началась совершенно прекрасная новая, хотя и далекая от собственно социологии, жизнь. До создания ВЦИОМ (1987) и Vox Populi (1989). Но это уже другие сюжеты, не имеющие отношения к начальному, доперестроечному этапу становления и жизни российской социологии.

«Институт общественного мнения – отдел «Комсомольской правды»»*

– Борис Андреевич, вы известный социолог, автор ряда научных книг, и вместе с тем ваше имя неотделимо от журналистики 60-х годов, от «Комсомольской правды» и её Института общественного мнения. Как вы это сами объясняете?

– Возможно, случайностью был сам мой приход на работу в газету (прямо скажем, не от хорошей жизни). Но уже характер работы и главное – создание Института общественного мнения отнюдь случайностью не были. Ни с точки зрения времени, в которое все это происходило, ни с точки зрения существа задач, которые мы ставили. Объяснение факта лежало в серьезных исторических подвижках в общественном сознании, случившихся в стране в пору хрущевской оттепели. В равной мере они затронули как социальную науку, которая после долгого исторического перерыва потянулась к конкретному эмпирическому знанию, так и массовую журналистику, занявшуюся энергичными поисками новых форм контактов со своей аудиторией.

– Институт общественного мнения и стал одной из таких форм?

– Да. Он возник в мае 1960 года по инициативе работников редакции и с точки зрения официальной академической и университетской науки явился типичным «незаконнорожденным ребенком». В то время тягу к конкретной социологии испытали довольно многие учреждения и организации не академического толка – партийные и государственные органы, администрации заводов, даже правления колхозов. Однако наш центр выгодно отличался от других – недолговечных и самодельных – тем, что ему на редкость повезло с матерью: авторитет и популярность центральной ежедневной молодежной газеты с тиражом свыше четырех миллионов экземпляров, ее большие технические, финансовые и административные возможности позволили придать делу с самого начала завидный размах, широкое общественное звучание и обеспечить ему плодотворное долголетие. Институт просуществовал почти восемь лет (до конца 1967 года), провел в общей сложности двадцать семь опросов общественного мнения, в том числе один международный и двадцать всесоюзных.

Правда, с точки зрения строго административной, институт долгое время оставался, скорее, отвлеченным понятием. Проведение зондажей, обработка и анализ их результатов первоначально не были за кем-либо специально закреплены. Они выполнялись в виде дополнительной и добровольно принятой на себя «нагрузки» сотрудниками отдела пропаганды. Лишь в 1966 году был создан специальный отдел «Комсомольской правды» – Институт общественного мнения – со своим помещением, своими, хотя и очень скромными, штатами и своим бюджетом (он, кстати, предусматривал возможность нанять на временную работу достаточное число интервьюеров, кодировщиков и т.д.).

Корреспондент одной из итальянских газет сообщал тогда своим читателям, что «Московский институт общественного мнения» – огромное учреждение, которое занимает большой дом, насчитывает около 300 сотрудников и располагает мощной электронно-вычислительной техникой. Все это было, мягко говоря, преувеличением (понятно, что в редакцию он и не заглянул). Мы – максимум семь сотрудников – никогда не имели больше двух комнат на шестом этаже комбината «Правда», всю собираемую информацию поначалу обрабатывали вручную, а затем на разных вычислительных центрах Москвы, главным образом ЦСУ.

В отличие от легкомысленного итальянца корреспонденты других иностранных газет и агентств, а также зарубежные социологи нередко поднимались к нам на шестой этаж,

* Беседовали С.Ф.Ярмолюк и М.Г.Пугачева. Опубликовано в: «Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы» / Авторы и исполнители проекта А.И.Волков, М.Г.Пугачева, С.Ф.Ярмолюк. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

интересовались результатами и планами работы. И почти всегда задавали один и тот же вопрос: а почему именно «Комсомольская правда»?

– *И действительно – почему?*

– Во многом в силу субъективных факторов. Что тут имеется в виду? Царивший в коллективе особый дух товарищества, какой-то редкой благожелательности и заинтересованности в общем успехе, носителем которого были ветераны газеты – «сорокалетние старики», в прошлом нередко военные корреспонденты. Молодежный состав редакции – большинство сотрудников получило высшее образование и пришло в газету после переломного 1956 года (уж по крайней мере после 53-го) – и связанная с этим обстановка непрерывного генерирования новых идей, которые активно поддерживались. Столь же молодое руководство, не успевшее утратить вкуса к профессиональному риску. Тогдашнему главному редактору «Комсомолки» Юрию Воронову только что стукнуло 30 лет, его первому заму Борису Панкину, одному из самых активных «катализаторов» процесса создания нашего института, и того меньше – всего 28. Ну и совсем уж случайное присутствие в коллективе философа-методолога, который пытался тем или иным образом приложить свои профессиональные знания к журналистской практике и к тому же был полон научных амбиций, обладал важными связями с разного рода полезными для дела специалистами – социологами, статистиками, математиками¹.

А если говорить о том, что все эти факторы сошлись именно в газете (не где-то в системе Академии наук) – то здесь мощно действовали уже не субъективные, а исключительно объективные факторы.

В самом деле, несколькими годами раньше в Варшаве появился Центр опросов общественного мнения при Польском радио и телевидении, парой лет позже такой же центр возник в Будапеште. Значит тут существовала явная зависимость: типично социологическая служба, каковой является любой центр изучения общественного мнения, определенно тяготеет к альянсу с тем или иным органом массовой коммуникации. И основа такого тяготения достаточно прозрачна. Изучение общественного мнения, что называется, по определению предполагает наличие постоянной возможности оперативного обращения к массовой аудитории – то ли с целью зондирования ее позиций, то ли с целью ее информирования о результатах зондажей. И наилучшей техникой реализации этой возможности, бесспорно, являются каналы печати, радио, телевидения. В отличие от любой чисто технической связи (например, телефонной или даже – в последние годы – компьютерной) массовая пресса решает эти задачи не только более экономно и оперативно, но и – что представляет особую ценность, учитывая специфику предмета, – наиболее естественным, органическим путем. Ведь любые операции с общественным мнением легко вписываются в восприятие публики в привычные, каждодневные информационные функции той же газеты.

С другой стороны, интерес счастливым образом оказывается взаимным. Начавшиеся после XX съезда подвижки в социальной науке, как я уже говорил, в не меньшей мере затронули и деятельность массовой прессы. Былые безапелляционный арбитрализм и скучная идеологическая дидактика мало-помалу начали сменяться стремлением развить две основные органические функции журналистики – собственно информирования аудитории и выражения общественного мнения. И это заставило прессу искать новые, более прочные и регулярные связи с читателем. Изучение механизмов восприятия информации, как и систематическое изучение всех видов «обратной связи», постепенно осознавалось в качестве

¹ Наш собеседник, возглавивший Институт общественного мнения, окончив философский факультет МГУ, а затем аспирантуру по кафедре логики того же факультета, попал в редакцию в 1956 году, в пору своей затянувшейся безработицы, из квартета так называемых диалектических станковистов, в который, кроме него, входили А.А.Зиновьев, Г.П.Щедровицкий и М.К.Мамардашвили. К моменту создания института он был не только одним из редакторов газеты (по отделу пропаганды), но и преподавателем философии на механико-математическом факультете МГУ, кандидатом философских наук, защитившим диссертацию по проблемам логики исторического познания. – *Прим. ред.*

не просто желательного, но и необходимого условия нормальной работы редакций. И отсюда уже было два шага до идеи создания собственной социологической службы, которая могла бы удовлетворить возникшие потребности. Правда, у любой газеты имелась и иная возможность – обратиться к услугам уже существующих социологических центров. Однако ясно, что при прочих равных обстоятельствах создание собственной лаборатории во многих отношениях было куда более привлекательным.

– К чему, на ваш взгляд, при этом стремилась газета – следовать общественному мнению, чтобы завоевать большую популярность, либо со знанием дела влиять на него?

– Конечно (чего там говорить!), «Комсомольская правда» тех лет, подобно остальным массовым изданиям, была лишь частью общей идеологической и пропагандистской машины государства и значит не могла развивать особой активности и самостоятельности. И все же «люфт» для свободного поведения в рамках общих правил был достаточно велик, и Институт общественного мнения не только небезуспешно стремился до предела использовать эту свободу, но и многократно «злоупотреблял» ею (что, кстати, в конечном счете – после скандального опроса «Комсомольцы о комсомоле» 66-го года – и привело к его закрытию). Во всяком случае, за все годы его работы редколлегия ни разу не пришлось действовать по чьей-либо указке «со стороны» – ни при выборе тем опросов, ни при определении манеры интерпретации их результатов.

Самопровозглашенный исследовательский центр, созданный в рамках газетной редакции, не мог не решать целой серии задач, связанных с интересами газеты как таковой. Первым из этих интересов было, конечно, распространение и внедрение в массовое сознание ценностей и норм, образцов сознания и поведения, входивших в корпус так называемого коммунистического воспитания молодежи. И, скажем, в своем первом опросе – о войне и мире – редакция явно хотела не только узнать, каким в самом деле было мнение населения страны по этому поводу, но и (это совершенно очевидно) лишний раз провозгласить «преимущество социализма над капитализмом», доказать (показать, убедить), что «Советский Союз – сильнейшая держава в мире», а «Н.С.Хрущев – главный миротворец». Во втором опросе, где речь шла о динамике жизненного уровня населения, главная идея опроса (газеты) снова заключалась не только и не столько в том, чтобы выяснить реальное положение вещей или собрать предложения людей относительно способов решения существующих проблем, сколько в том, чтобы опять же лишний раз подтвердить, что «дела в стране идут очень хорошо», что «главный залог счастья народа – политика партии» и т.д.

Подобное использование результатов опросов резко усиливало пропагандистский потенциал газеты, поскольку теперь пропаганда «подавалась» уже не голословно – с помощью одной лишь словесной эквилибристики и логики, – но куда более убедительно: во впечатляющей упаковке «объективной цифири», полученной «научным путем». Кроме того, прибегнув к публикации на своих страницах различных, не совпадающих друг с другом (в том числе если и не «антисоветских», то заведомо «несоветских», «неправильных») мнений, газета заменяла былую прямолинейность и односторонность большей объективностью и создавала новые возможности для «выпускания пара».

Весьма привлекательным также был значительный рост редакционной почты (в те годы это считалось важным показателем эффективности журналистской работы). Ради этого с 1961 года мы стали широко использовать, наряду с техникой персонального интервью, так называемые газетные опросы – публикации анкет на страницах «Комсомолки» с предложением ответить на вопросы «всем желающим».

Наконец, действительно с помощью Института общественного мнения редакция стремилась еще более укрепить свой авторитет среди читателей, свою популярность у населения. И это ей явно удалось.

– И как при этом, Борис Андреевич, в вас лично уживались журналист и ученый? Явно выраженный «журнализм» в деятельности Института общественного мнения, видимо, вступал в противоречие с научными интересами, поставленной исследовательской задачей?

– Если угодно, это была та цена, которую социология опросов должна была заплатить за свое рождение и существование. И нельзя не признать, что цена немалая. Заведомо зауженным было понимание той роли, которую новая институция по своему определению призвана играть в жизни современных обществ.

Известно, что в западном мире понятие «общественное мнение» употребляется в двух различных смыслах: во-первых, как некоторое коллективное суждение множества индивидов, выражаемое тем или иным образом, и во-вторых, как политический институт (так называемая пятая власть), участвующий в управлении жизнью общества. В соответствии с этим любая деятельность по изучению общественного мнения «помогает» ему выразиться и реализует его участие в жизни гражданского общества, то есть формирует общественность, повышает уровень ее самосознания, обеспечивает ее связь с политическими институтами, в том числе институтами власти.

Разумеется, в ту пору жизни России, о которой теперь идет речь, об общественном мнении можно было в принципе говорить (причем со многими оговорками) лишь в первом смысле и вовсе нет – во втором. Это значит, что возникший в стране Институт общественного мнения, при прочих равных обстоятельствах, мог бы рассматриваться как некий «подарок судьбы», как некий нечаянно подвернувшийся механизм для исторического прорыва в гражданское общество, в политическую демократию. Однако ничего этого не произошло и, конечно же, не могло произойти. Несмотря на наступившую (к тому же, как скоро выяснилось, весьма кратковременную) оттепель, страна была категорически не готова к изменениям, случившимся с ней двадцать с лишним лет спустя. Потому «революционная» по своим общественно-политическим потенциям деятельность нашего центра не получила тогда сколько-нибудь адекватной оценки и не была востребована в рассматриваемом значении ни газетчиками, ни политиками. Те и другие упорно видели в ней лишь «еще одну» (правда, очень удачную и броскую) рубрику в газете – не более.

Впрочем, на чисто спонтанном уровне, независимо от интересов редакции и политических лидеров, наша работа и ее цель – формировать общественность, прививать людям навыки участия в публичной дискуссии, создавать и использовать язык гражданского общения, отличный от официального, и т.д. – все же не была безрезультатной, по-видимому, давала какие-то плоды.

Платой «журнализму» для нас как социологов было и то, что редакцию совершенно не волновали такие сюжеты, как репрезентативность информации, строгая выверенность задаваемых вопросов, соблюдение принципа анонимности ответов, чистота кодирования полученной информации и многое другое. Ей вовсе не нужна была тяжеловесная, строгая «наука», ей нужно было завлекательное, оперативно изготавливаемое «что-то». В результате этого поле деятельности Института общественного мнения было полем не только коллективного энтузиазма и радости (по поводу каждого нового опроса и каждой крупной публикации), но и постоянных скрытых и явных напряжений между интересами «газеты» («журналистов») и интересами «науки» («социологов»), равно как и постоянных компромиссов между этими интересами.

В самом начале пути такого рода компромиссы решались, как правило, в пользу «газеты». В том числе, видимо, и поэтому результаты первых четырех опросов были восприняты в обществе исключительно как явление журналистики, а отнюдь не науки. Однако начиная с пятого исследования, посвященного проблемам движения за коммунистический труд, ситуация стала заметно меняться. «Продукция» института начала активно проникать в научную литературу, рассматриваться в одном ряду с опросами и исследованиями других центров социологической науки в стране. Такое изменение в балансе «газета – наука», особенно на втором этапе деятельности Института общественного мнения «Комсомолки» (1965-1967 годы), обернулось в конце концов прямым конфликтом между мной как руководителем института и редколлегией газеты и, безусловно, способствовало его «безвременной» (а на самом деле еще как «временной»!) кончине.

Во всяком случае, независимо от того, каким образом объединялись для меня тогда наука и журналистика, каковы были плюсы и минусы обеих, мне удалось понять самое важное: что общественное мнение – одна из форм существования и выражения не группового, не классового, а так называемого массового сознания; что общественное мнение может быть и бывает «всяким» – широким и узким по своему субъекту-носителю; единодушным и (в подавляющем большинстве случаев) плюралистичным по своему составу; ложным и истинным по своему содержанию; компетентным и некомпетентным по своему значению; «естественным» (самозарождающимся) и «искусственным» (создаваемым) по механизмам своего возникновения; спонтанным и организуемым по механизмам своего выражения и т.д. Окончательное обобщение всей этой работы, занявшей несколько лет, приняло форму двухтомной докторской диссертации «Проблемы методологии исследования общественного мнения», завершённой в 1966 году, а затем монографии «Мнения о мире и мир мнений», изданной Политиздатом годом позднее.

Так что при вынужденном «журнализме» в работе Института общественного мнения «Комсомолки» сама информация, полученная в ходе опросов, оставалась в рамках серьёзной социологии, сохраняла научный характер и, следовательно, оставляла принципиальную возможность для иного рода ознакомления с нею широкой общественности и иного рода ее содержательной интерпретации, нежели просто публикации в газете в начале 60-х годов. В некотором смысле она бесценна, если учесть, что тогда это был единственный социологический центр, который мог проводить и проводил многие свои исследования не на каком-то отдельном предприятии и не в каком-то отдельном городе или регионе, а в масштабах страны. Зафиксированные образцы сознания людей, живших в эпоху Хрущева, обладают непреходящими достоинствами. Разумеется, прежде всего как живые свидетельства менталитета собственно «шестидесятников». Но не только. Объективный наблюдатель найдет в них также указания и на некоторые более глубокие пласты сознания тех, кого теперь нередко оскорбительно именуют «совками», но кто на поверку, при ближайшем рассмотрении, оказывается самым российским народом. Широко распространенный взгляд, будто бы общественное мнение – само непостоянство (сегодня оно одно, завтра другое – «семь пятниц на неделе») и что поэтому обращение к его тестам сорокалетней давности не может дать ничего, кроме каких-то (в том числе невнятных) намеков на «дела давно минувших дней», «преданья старины глубокой», – не более чем предрассудок. Ведь представленное в опросах общественного мнения массовое сознание состоит не только из «сиюминутных» настроений, эмоций, влечений, подсознательных импульсов, но и из множества других, фундаментальных образований, формирование и эволюция которых происходят на протяжении десятилетий и столетий.

– Вы потом отошли от журналистики? Не возвращались больше и к этим материалам?

– Несколько лет я работал в Праге, в журнале «Проблемы мира и социализма» (в два «захода», со значительным разрывом во времени), но работа там имела свою специфику. А что касается материалов, связанных с опросами в «Комсомолке», то именно этим я сейчас и занимаюсь. В своей первой книге о массовом сознании я рассматривал его чисто теоретически и пообещал, что позже выйду на его конкретные характеристики. Вот сейчас и настало время – изучаю наши опросы времен Хрущева.

– И о чем говорит уже сегодняшней ваш анализ работы той поры? Что, в частности, судя по этим опросам и по итогам осуществления ваших последующих проектов, можно сказать о влиянии прессы на массовое сознание и сознание личности, на ее социальную ориентацию и социальную активность?

– Должен сказать, что сейчас меня совершенно не волнует то, что обычно волнует исследователей общественного мнения, – распределение ответов на те или иные вопросы. Я пытаюсь восстановить структуру массового сознания по десяти определенным его характеристикам. Например, первый признак – включенность в проблему, в диапазон интересов людей того времени; второй – морфология самого массового сознания, какие типы

высказываний преобладают. А завершается этот ряд «плюрализмом-монизмом» мнений (противоречивость-целостность сознания; реактивность, тип реакции на вопросы, на те или иные явления жизни; ценностные характеристики – какие ценности считаются главными, какие второстепенными и т.д.).

Дело в том, что в теории и идеологии того времени утвердилось весьма вредное – с точки зрения прогресса – и абсолютно ложное суждение о том, что общественное мнение при социализме едино, что «носителем» его является народ в целом. О чем бы ни заходила речь – «все как один»! Конкретные исследования, которые я начал, показали, что это полная чепуха, что общественное мнение при социализме, как и в любом другом обществе, плюралистично, оно распадается по каждому конкретному сюжету на большое количество точек зрения, не совпадающих друг с другом, а иногда и противоречащих друг другу. Это удалось установить уже в самых первых опросах «Комсомолки» (о войне и мире; об уровне жизни; о новом поколении – «Исповедь поколения»).

Ну, прежде всего стало очевидно, что общественное мнение у нас существует – а эта проблема тоже остра и важна, ибо само существование общественного мнения есть некий результат идущего в обществе дискуссионного процесса. Во-вторых, повторю, оно плюралистично, и сам этот плюрализм различен: в опросе о «войне и мире» 98% высказалось «за» мир, а, скажем, уже в следующем опросе картина предстала иная, потому что уровень жизни повысился далеко не у всех, и общество раскололось на три неравных группы.

Исследуя плюрализм мнений, можно было оценить влияние прессы на ту или иную точку зрения: если бы оно было всеобъемлющим, абсолютно монолитным, тогда правомерно было бы говорить, что это проникла идеология, полностью захватив умы и сознание людей, или люди сами сошлись во взглядах на тот или иной предмет по каким-то невероятным обстоятельствам. А вот при плюрализме мнений трудно понять, почему одни занимают позитивную позицию, другие – негативную. Можно было, скажем, точку зрения первых связать с влиянием прессы – но как в это укладывается влияние прессы на точку зрения негативную... В общем и целом это была довольно сложная задача, и она остается такой, поскольку сегодня существует два взгляда на времена Хрущева, в том числе и в отношении «влияния прессы». Один абсолютизирует это влияние, другой абсолютизирует как раз так называемую полную самостоятельность масс и их свободное существование вне системы. Те, кто разделяет эту точку зрения, отрицают влияние прессы как таковой, говорят, что она «бьет» мимо цели. Именно этим объясняют столь быстрый распад Советского Союза и падение социализма как системы, как строя: когда возникла возможность свалить с себя бремя тоталитарного государства – масса это и сделала.

А что в действительности? Этим я сейчас и занимаюсь, полагая, что и та, и другая точки зрения глубоко ошибочны, и оценивать надо, скорее, влияние не прессы как таковой, а идеологии в целом (строго говоря, влияние прессы в чистом виде мы измеряли только один раз, в 1967 году, позже хрущевского времени).

Непосредственно сейчас я провожу анализ массового сознания по отношению к движению «За коммунистический труд». Это интересная вещь – начиная с того, что я был свидетелем «перерождения» газетной акции (Аджубей был тогда главным редактором «Комсомолки») в новый «великий почин». Просто сидели и думали, как отметить очередной юбилей Октября, и именно Аджубей, по-моему, придумал вот это самое движение за «коммунистический труд»: «А давайте мы грохнем, давайте поедем в Москву-Сортировочную!»... Казалось бы, в него включился весь народ, казалось бы, это был один из постулатов самой пропаганды – она настаивала на том, что строительство коммунизма осуществляется всем народом. В той или иной форме – на уровне реального участия или хотя бы в виде разного рода забот, переживаний, «проговаривания» разных слов по этому поводу – но «строительство коммунизма» захватило всех, не было семьи, где бы это не обсуждалось (возможность – невозможность, вера – неверие и т.д.). И вот наш опрос, который мы провели в 1961 году, показал, что это абсолютная «липа». Статистика в том году утверждала, что двадцать миллионов человек борются за звание «бригад коммунистического

труда» или «ударника» (это статистика официальная; поскольку движение возглавлялось профсоюзами и комсомолом, то в ВЦСПС и в ЦК комсомола получали официальные данные по поводу «ударников»). Три миллиона человек к 1961 году уже имели это звание, 80 тысяч коллективов (или 200 тысяч? – уже не помню) его добивались, в каждом коллективе не меньше чем по тысяче-две человек... Получалось, как минимум семьдесят пять миллионов человек участвовало на том или ином уровне в «коммунистическом» движении, и все это еще обсуждалось в семьях, на собраниях. Действительно – весь народ!

Наш опрос мы проводили, когда газеты вели дискуссии по поводу новой Программы партии (перед съездом), и тут тоже создавалась иллюзия, что участвуют все – печатались замечания, возражения, добавления и т.д., и т.п. Опрос проходил среди представителей, так сказать, трех типов сознания. Опрашивали коллективы (по очень надежной выборке). В газете опубликовали анкету, как нередко делали, с призывом откликнуться на нее – и «ударникам», и тем, кто борется за звание, и тем, кто вообще плевал на это звание, но все же хотел сказать что-то свое. И вот когда откликнулись все желающие, набралось 1290 человек. Такого срама, такой неудачи с точки зрения массовости участия в опросе общественного мнения мы вообще никогда не видели (перед этим прошли опросы на темы «Исповедь поколения» – 17446 человек, «Семья» – 10500 человек). А тут – 1290. Совершенно непонятная вещь поначалу. А потом выяснилось, что огромная масса людей не только не участвует в этом движении, но не хочет его и обсуждать. Для них оно просто не существует, как не существует и само строительство коммунизма как таковое. Это был, конечно, шокирующий результат, шокирующий для пропаганды, для идеологии, и поэтому мы имели очень большие трудности с публикацией результатов. К тому же выяснилось, что у людей весьма смутные представления о коммунизме и о коммунистическом труде (абсолютная разорванность сознания!), каждый по-своему понимал, что значит «жить и работать по-коммунистически», путали даже самую «основополагающую» формулу. Это говорило о том, что пресса, несмотря на гигантский прессинг на массовое сознание, с точки зрения проблематики движения за коммунистический труд со своими задачами «не справлялась». Значит сама пресса или сама идеология не имели четкой концепции. Вернее, концепция-то была: работа – на первом месте, жизнь – на втором. Установка была именно на эту формулу, а народ тем не менее (во всяком случае значительная его часть) в этом деле «не разобрался»...

– Речь идет, таким образом, об отражении массового сознания в прессе или, напротив – о влиянии прессы на это массовое сознание?

– Нет, о влиянии. В эпоху Хрущева, должен буду я сказать, когда стану подводить итоги всех проведенных тогда опросов, влияние идеологии, прессы в частности, было грандиозным, тем не менее не беспредельным. Далеко не беспредельным, потому что в обществе существовали многие сегменты, которые избежали зависимости от идеологических построений. Это выявилось особенно наглядно по результатам третьего нашего опроса, самого популярного, знаменитого, имевшего большой зарубежный отклик. Суммарный анализ ответов на его девятнадцать вопросов позволил выделить как минимум семь типов молодых людей, из которых только три первых типа можно было посчитать порождением тогдашней идеологической деятельности. Это были так называемые революционеры (продолжатели дела отцов), их было очень много. Второй тип – так называемые романтики, которые при описании своей деятельности не обязательно пользовались словом «коммунизм», тем не менее заведомо отдавали приоритет благу общества перед собственным благом. У них был свой лозунг: «Сделать все, отдать максимум сил для пользы народа, для пользы общества». Они очень серьезно – по лексике, типу поведения – отличались от «революционеров». Третий тип – это люди, активно включенные собственно в трудовой процесс, видевшие смысл жизни в творческом труде (таких было тоже немало). Это были профессионалы, «творцы», которые если и вступали в партию, то для них все эти идеологические вещи были вторичными (в то время как для «революционеров», «романтиков» – на первом месте); они хотели жизнь положить на то, чтобы сделать что-то

значительное в своей сфере – своими усилиями продвинуть науку, практику, искусство и т.п. Четвертый тип – это «трудяги», люди, которые хотели «жить как все», которые вообще не пользовались лексикой, связанной с коммунизмом, социализмом и т.д. Просто хотели иметь нормальную, обеспеченную семью, меньше забот. Их уже, с моей точки зрения, идеология не захватывала, хотя они составляли большинство в обществе, судя по многим другим опросам. Пятый тип – так называемые пессимисты, люди недовольные, разочарованные, начинавшие с активной деятельности (в комсомоле или в тех или иных сферах труда) и пришедшие к выводу, что главная ценность – деньги, а вовсе «не ваши коммунистические идеалы». Но они попадали в категорию «разочарованных», потому что начинали иначе, а потом «муж оставил», «с детьми не получается», «с работы выгнали» (много было таких сюжетов). Шестой тип – так называемые нигилисты. И если «разочарованные» не отменяли социалистические ценности как таковые, но считали, что сфера их реализации уж очень узка («острова социалистические, а вся основная жизнь не очень хороша»), то «нигилисты» отменяли все (в чем было, конечно, много поэмы).

– Имеются в виду диссиденты?

– Нет. Но седьмой тип я обозначаю как «скрытые диссиденты», которые обнаружили уже тогда, в опросе 1961 года. Главным мотивом диссидентства в те годы, на мой взгляд, были репрессии против родителей, это четко просматривается. Очень мало таких людей приняли участие в опросе, тем не менее некоторые даже указывали свои фамилии. Позднее диссидентство уже было связано с влиянием других моделей поведения и самой жизни, с пониманием того, что существует нормальное общество, а у нас оно ненормальное, и потому надо двигаться от тоталитаризма к некоей демократии и т.д. «Скрытые диссиденты» так вопрос не ставили, они не собирались бороться. Всем им было где-то под тридцать, и у всех в ответах на анкету (а они приходили из разных концов страны) присутствует «репрессия отцов», которая не оставляет их в покое.

Вот наличие этих семи, как минимум, типов (можно было дробить и еще) этих людей, в разной степени причастных к тоталитарной идеологии, показывало, что идеологическое воздействие, в том числе и прессы, не было повсеместным и всеобъемлющим. То же самое мы отметим и позже, в других опросах, в частности и том, которым кончается эпоха Хрущева.

– Борис Андреевич, а журналисты, работавшие в те годы, ставили задачу «объять» все слои, всех потенциальных читателей или имели в виду «свою», определенную аудиторию?

– Объять все? Нет, конечно. Пресса и тогда была разная. Замечу, кстати, что процесс ее революционизирования начался, на мой взгляд, не с «Известий» (как принято считать), а с «Комсомольской правды» и при участии Аджубея. Он очень активен был как заместитель главного редактора (меня на работу в «Комсомольскую правду» брал именно Аджубей, это был март 1956 года). Факт тот, что он был не просто замом Горюнова, а по-настоящему работающим замом, то есть определял идеологию газеты, впервые именно там «запустил» те самые типы газетного творчества, которые потом в «Известиях» расцвели полностью, потому что «Известия» была «взрослой» – государственной, правительственной – газетой.

Сами по себе мы, конечно, не ставили задачу охватить всех или охватить всё. Но таков был главный постулат тоталитарной идеологии, исключаящий в любой сфере деятельности что-то не вписывающееся в образцы.

– Тем не менее именно тогда, скажем, журналы «Новый мир» и «Октябрь» явно ориентировались каждый на своего читателя. Они уже знали свою аудиторию или каким-то образом формировали ее?

– Трудно сказать. Я думаю, что в смысле формирования аудитории всё получалось случайно. Целенаправленной деятельности такого рода не было, потому что для этого надо очень хорошо знать, каков твой читатель. Круг авторов был вполне определен и известен, а вот круг читателей – нет. Не случайно, я думаю, социолог Шляпентох по заказу редакций в

середине 60-х проведет ряд исследований по изучению читательской аудитории крупнейших газет.

Но сам факт «размывания» общества был в то время уже очевиден. Речь шла о расшатывании тоталитарной наследственности, причем происходило это где целенаправленно, где случайно – и не без активного участия прессы. Мы тогда, например, в «Комсомолке» возродили действенную журналистскую форму – социально-экономический очерк: помню, в 1957 году дали две полосы с рассказом о годовом бюджете семьи Андриановых из Горького. Был тогда у нас Александр Владимирович Гурьянов, журналист-энтузиаст, человек свободный (так сказать, на вольных хлебах), работавший на «Комсомолку» по-крупному. В течение года он вел дневник (бюджет той семьи) и потом выплеснул этот совершенно фантастический по тем временам материал, где отнюдь не всё безусловно соответствовало официальной идеологии...

Институт же общественного мнения просто взрывал тоталитарную систему управления, прежде всего потому, что выявлял несовпадения точек зрения, разные взгляды на предмет, а не потому только, что ставил какие-то опасные вопросы.

– А не было такого, Борис Андреевич, что сознание людей уже изменилось, «ушло вперед», а пресса всё еще ориентировалась на некий прежний либо усредненный, «примитивный» уровень?

– Не думаю. В шестидесятые годы, по-моему, пресса все-таки была в лидерах по отношению к сознанию. Кстати говоря, иногда сейчас читаешь обратное – во многих материалах я это видел – что в то время был сплошной обман публики и она ни в чем не участвовала, была как «стадо баранов» и т.д. Это полная ерунда. Ведь, в частности, в коммунистическом движении были реальные практики, реальные трудовые успехи – не только идеологические конструкции. Люди вдруг меняли образ жизни, бросали пить, курить и т.д. (все это определялось через отрицание). Росла производительность труда. Люди писали о случаях, когда в движение зачисляли не на добровольных началах, а просто говорили: «Вот ты будешь ударником». Или когда весь коллектив объявляли «коммунистическим», причем создавали для него тепличные условия, весь инструмент, сырье шли в ту бригаду, чтобы она показывала чудеса героизма, а все остальные ходили с «голым задом». То есть очень много было «липы», люди это видели, понимали – наш опрос это выявил. И тем не менее по наивности, по простодушию и без зарплаты работали, скажем, в честь полета Германа Титова. Час работы бесплатно – это же было! И уж никак нельзя сказать, что это просто была игра в слова. Люди меняли свою жизнь, находили новые практики (деятельностные, а не только словесные), хотя, повторю, многие уже понимали, что это «липа». Но продолжали настаивать на том, что это хорошо. Такой факт двоемыслия был впервые замечен нами – не в осуждение.

– Но пресса же и способствовала такому двоемыслию, одновременно и насаждая и осуждая подобную «липу»? В этом смысле она играла негативную или все же позитивную роль?

– Позитивную.

– Настойчиво «вдалбливая» в сознание масс заведомо вздорные вещи?

– Дело в том, что вообще система, так сказать, «вдалбливания» – это в действительности очень сложная проблема, потому что с помощью прессы, с помощью «вдалбливания» в том числе происходило социальное интегрирование общества – чего не делает нынешняя пресса, в чем ее главный грех. Почему я и считаю, что главным врагом нашего общества сегодня являются средства массовой информации – не пресса даже, а прежде всего телевидение. Это моя точка зрения. Уже пять лет я ее отстаиваю, был дважды освистан в Доме журналиста, когда это произносил, но я на этом категорически настаиваю: главный враг нынешнего общества – телевидение. А пресса сейчас не имеет никакого влияния. В перспективе она вообще исчезнет. В том числе под воздействием чисто технологических решений, поскольку Интернет скоро вытеснит и телевидение тоже. Одно

вытесняет другое. Это конкуренты. В нашей стране, правда, это произойдет еще не скоро. Очень не скоро.

– В том же Интернете можно было познакомиться с «Тезисами о СМИ и не только о них» вашего коллеги, социолога Ослона. Утверждая, что общество делится и на ментальные группы – группы на волне настроений, – что средства массовой информации и население – это два взаимодействующих потока (информационный поток и поток потребностей-ожиданий), он подчеркивает необходимость особо тонкой настройки, точечного попадания в работе СМИ – иначе она становится бессмысленной. Возможно, речь и могла бы идти о такой переориентации прессы, но не о её исчезновении?

– Эти вещи замечены уже давно. Происходит так называемая демассовизация массовой информации, что связано именно с новыми технологиями. Когда у тебя не два или три канала, а сто, ты можешь найти здесь все, что тебе угодно. На определенном уровне развития обществ возникает дифференцированный интерес. У нас он еще очень низок, очень ограничен в силу нашей бедности.

Тот же Интернет – это гигантский, небывалый веер информационных предложений, и поскольку западное общество дифференцировано очень сильно, в том числе и на малые группы (чем, собственно, демократия отличается от того, что имеем мы), возникает сто тысяч разных точек зрения соответственно предложению. Чем более дифференцируются потребности, интересы людей, тем очевиднее «гибнет» так называемая тоталитарная структура информации. И в этом смысле говорить о том, что пресса, наша пресса повысит свою роль в обществе, совершенно невозможно.

– А в том, что касается её функции организатора?

– Нет. Это именно система воздействия на общественное мнение, на поведение и способы сознания людей. Нынешняя пресса ни в одной стране мира не является организатором.

– А способна ли пресса – в содружестве с наукой – как-то повлиять на выбор обществом лучшего варианта социального устройства?

– Не способна, если за наукой и прессой не стоит общая структура власти. Если общество бессильно. Я, скажем, могу заниматься наукой, но мое влияние нулевое. Мою книгу «Массовое сознание» здесь никто и не прочитал, хотя в любом другом обществе она могла бы сыграть свою роль. Никакая пресса, никакая наука в ситуации сплошного хаоса – с точки зрения прежде всего правовой – ничего не может сделать. То есть она может сделать все, что угодно, если появляется некий бизнесмен, дает деньги, ты для него проводишь исследование, публикуешь данные и все такое прочее. Ты получаешь удовлетворение, если ты вообще азартно работаешь; сам-то получаешь удовлетворение, но результат нулевой, потому что интерес прессы и интерес науки не может быть сильнее тех механизмов, которые управляют обществом, а эти механизмы связаны с властью, законом – в том вся и проблема. Очень долго еще будет то, что мы имеем сейчас, пресса будет продолжать играть безумно плохую, негативную роль – до тех пор, пока не появятся первые социальные субъекты, которые заявят о себе и которым удастся противостоять власти, то есть когда возникнут первые элементы гражданского общества, потому что пресса – их рупор.

– Вам не кажется, что получается замкнутый круг: гражданское общество не может возникнуть без прессы, а пресса не способна играть свою положительную роль вне гражданского общества?

– Я говорю, что гражданское общество не может возникнуть не без прессы, а без его субъектов. Гражданское общество – это совокупность определенных субъектов, которых отличают позитивная деятельность в том или ином направлении и их независимость от государства. Вот у нас сейчас нет таких субъектов, они лишь «прорываются». Здесь действительно круг, классический круг. История без конца повторяет эту ситуацию: курица или яйцо. И тем не менее где-то осуществляется какой-то точечный прорыв, благодаря чему

так называемый циркулюс витиозус – «порочный круг» разрывается. Эти прорывы могут быть и в прессе в том числе.

Семьдесят лет как минимум мы будем иметь тот самый кипящий «мутный бульон», которому подобно сейчас наше общество; должно смениться три поколения, чтобы появились люди абсолютно непорочные...

– *Это не идеализм?*

– Какой же это идеализм? Так оно было во всей истории. Прорыв осуществляется людьми, которые действуют «во благо общества». Они придут. Прогресс все равно бесспорен. Накопление все равно идет. Нулевой результат, которым кончилась оттепель, через двадцать лет привел к 1985 году. Так или иначе отложение определенных результатов в ткани общества происходит. Миллионы людей втянуты в новые формы жизни (в том числе ненормальные), которые делают невозможным возвращение к тоталитарной системе.

– *Иногда говорят, что «шестидесятники», в том числе и журналисты и социологи, лучшие из них, тем не менее делали «черное дело», ибо стремились усовершенствовать негодную систему. Вы с этим готовы согласиться?*

– Это неправда. Категорически не согласен с тем, что я делал «черное дело». Я создал Институт общественного мнения, который мог стать первым прорывом в настоящую демократию. Этот прорыв не состоялся потому, что его никто не осознал как демократию. Тем не менее рубец – инфарктный или инсультный – он у общества оставил. У меня масса неизданных книг, нереализованных проектов. Но нулевой результат, о котором я говорил, тем не менее не дает мне основания утверждать, что вся работа была черно-белой или напрасной.

Нет, наша пресса тоже не делала «черное дело», она, скорее, как я уже говорил, расшатывала систему. Это происходило в массовом масштабе. В общем за исключением откровенных холуев, которые получали с барского стола и продавались в чистом виде, все остальные работали на «расшатывание». Даже странные «звездочеты в колпаках», типа Лотмана, который, казалось бы, неизвестно чем занимался и вообще никому не мешал...

Когда мы проводили свое весьма обстоятельное социологическое исследование в Таганроге (1967-1974 годы), включающее и деятельность прессы, то результаты его уже показывали начавшийся распад тоталитарной системы информации. Каждый начал «дуть в свою дуду» более чем было дозволено, и это было связано не с демократизмом строя, а с его слабостью. Он уже разрушался. Характерно, что возникли немалые сложности с публикацией итогов «Таганрогского проекта», хотя осуществлялся он по заказу ЦК КПСС. Возник феномен «непослушной» прессы.

А 1985 год – это уже грандиозный сдвиг во всей мировой истории, это уже разрушение системы.

... Что еще можно сказать о прессе начала 60-х? Вот я беру газету «Известия», газету «Комсомольская правда». Блистательные по форме, очень острые по содержанию. Как это ни абсурдно звучит – во многом благодаря чисто исторической случайности: что Аджубей был зятем. Этим многое, очень многое можно объяснить. Случай, как известно, играет гигантскую роль в истории. Не будь этого случая, мы вряд ли имели бы в те самые годы такой результат. Не исключено, что следствия XX съезда партии, борьбы с культом личности были бы гораздо более слабыми, если бы не это вот обстоятельство.